

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Н. Г. БОРОЗНА

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ УЗБЕКОВ ДОЛИНЫ КАФИРНИГАНА

(По материалам совхоза им. М. И. Калинина)

В обширных степных и предгорных районах Узбекистана и Таджикистана значительные группы узбекского населения вплоть до коллективизации продолжали в той или иной степени сохранять полукочевой образ жизни, сочетая занятия отгонным скотоводством с богарным земледелием.

В этнографической литературе имеется мало работ о хозяйстве, культуре и быте полукочевых узбеков дореволюционного времени¹. Почти нет работ, посвященных огромным преобразованиям, происшедшим в их хозяйстве и жизни за годы советской власти². В предлагаемой работе автор на этнографическом материале исследует современное хозяйство этнографической группы узбеков-дурменов.

Для стационарного этнографического изучения был выбран район наиболее компактного расселения этой группы узбеков — территория образованного в мае 1957 г. совхоза им. Калинина в Южном Таджикистане, где кишлаки располагаются на узкой береговой полосе между рекой Кафирниганом и Газималекским хребтом. Совхоз охватывает около 40 кишлаков, из которых самые крупные — центр совхоза Исамбай (рис. 1), а также Ходжабульбулан, Тарыпая, Ишхабад, Шурьянбаш, Бешкапа. Во всех кишлаках, за исключением Ишхабада и Шурьянбаша (первый населен таджиками, второй — узбеками-кунгратами), живут узбеки-дурмены, которых здесь около 3,5 тыс. человек. Таким образом, основным контингентом рабочих совхоза им. Калинина являются узбеки-дурмены.

В прошлом одно из полукочевых узбекских племен, дурмены пришли в Среднюю Азию из-за Сыр-Дарьи в начале XVI в. в составе

¹ А. Д. Гребенкин, Узбеки, «Сборник по поводу Политехнической выставки», М., 1872.

² К. Л. Задыкина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952; Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Труды АН ТаджССР, т. 28, Ин-т истории, археологии и этнографии, Сталинабад, 1954.

Рис. 1. Новый поселок центра совхоза им. Калинина — кишлак Исамбай

войск Шейбани-хана³. По всей видимости, дурмены ведут свое происхождение от одного из монгольских племен времени Чингиз-хана. В «Сборнике летописей» Рашид-эд-дина мы находим одно из первых упоминаний о дурменах: он говорит о монгольском племени дурбан (дурмен), отмечая, что один из эмиров дурбанов стоял во главе сотни воинов личной охраны Чингиз-хана⁴. Придя в дешти-кипчацкие степи, дурмены после смерти Чингиз-хана входили в улус его старшего сына Джучи. Во второй половине XV в. в результате междоусобных войн дешти-кипчацкие степи перешли в удел Шейбани-хана, прямого потомка Джучи. В период междоусобиц и во время скитальческой жизни Шейбани-хана ему оставались верны шесть узбекских племен, в том числе и дурмены, к этому времени уже давно отюреченные по языку. В задуманном Шейбани-ханом походе на Мавераннахр и завоевании Средней Азии его поддерживали пятнадцать узбекских племен, среди которых были и дурмены⁵. Очевидно, дурмены играли значительную политическую роль и после завоевания Мавераннахра, так как, по сообщению источника XVII в., переведенного В. В. Бартольд, на церемониях при дворе бухарского хана старейшины дурменцов занимали одно из самых почетных мест⁶.

После завоевания Средней Азии Шейбани-ханом часть дурменов расселилась в Кобадiane (Шаартуз) и на территории Северного Афганистана. Самые ранние данные о них как о жителях этих мест мы находим в Муким-ханской истории — источнике XVII в.⁷

В настоящее время узбеки-дурмены расселены в Южном Таджикистане — долине реки Кафирниган, Кобадiane и Гиссарской долине. До-

³ А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», в. 1, Труды АН ТаджССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 29.

⁴ Рашид-эд-дин, Сборник летописей, М.—Л., 1952, стр. 187.

⁵ А. А. Семенов, Указ. раб., стр. 29.

⁶ В. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке, «Сборник в честь 70-летия Н. Г. Потанина, Зап. Русского географического общества», отд. этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 295—305.

⁷ Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история, пер. А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 204, 205.

вольно большое число дурменов обитает в Бабатагских горах Узбекистана; живут они также в Хорезмском оазисе, в 3—10 км от г. Ургенча и около г. Ильялы Ташаузской области Туркменской ССР. Больше всего дурменов — около 7 тыс. человек — живет по среднему течению Кафирнигана и в Бабатагских горах.

В этнографической литературе сведений об узбеках-дурменах, кроме упоминаний о них в списках узбекских племен, почти нет или они крайне отрывочны и случайны⁸. В частности, нет почти никаких данных о хозяйстве дурменов.

До настоящего времени в быту и культуре этой этнографической группы сохраняются некоторые элементы полукоочевого образа жизни. Они проявляются во внутреннем убранстве теперь уже оседлого типа благоустроенных домов, в бытовании переносного кочевого жилища — юрты и лачика⁹ в качестве летнего жилья на дальних пастбищах и в селениях; в некоторых видах (чабанской и др.) одежды, в способах приготовления молочных и мясных продуктов; в утвари (часто используются деревянной и кожаной посудой); в некоторых обрядах и обычаях, связанных с евадьбой, похоронами, рождением ребенка. Сохранение этих элементов в большинстве случаев объясняется особенностями отгонно-пастбищной системы животноводческого хозяйства.

Природные условия оказывали значительное влияние на хозяйство дурменов. Область Южного Таджикистана, где расселены дурмены, представляет собой цепь невысоких гор с узкими и замкнутыми долинами Гиссарского и Газималекского хребтов. Климат резко континентальный: продолжительное, жаркое и сухое лето, теплая осень, короткая зима с небольшим количеством осадков и ранняя дождливая весна. Горные склоны и небольшие долины Южного Таджикистана изобилуют травами, кустарниками и полукустарниками, которые служат хорошим кормом для скота. Скот в зависимости от времени года перемещают на сезонные пастбища¹⁰.

Осенние и зимне-весенние пастбища совхоза расположены недалеко от селений (от 3 до 40 км) и используются со времен переселения дурменов в эти места. Каждый кишлак имеет свои пастбища. Летние пастбища находятся в альпийских и субальпийских зонах, в высокогорных районах верховьев реки Кафирниган, где раньше, как правило, выпасали свои стада только богатые овцеводы.

До коллективизации стада гиссарских овец дурменов были невелики, и лишь некоторые баи имели по несколько тысяч голов скота. Выпастать скот на летних отдаленных пастбищах дурмены даже со средним количеством скота (100—200 голов) не могли, поэтому иногда несколько семей объединялись в так называемые «чагана-чопан», имевшие сезонный характер. В том случае, когда составлялось такое объединение, дурмены арендовали летние пастбища у баев. Чагана-чопан

⁸ См., например: Н. В. Ханьков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 58—66; А. Борнс, Путешествие в Бухару, М., 1848, стр. 367; А. Вамбери, Путешествия по Средней Азии в 1863 году, СПб., 1865, стр. 171; А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 109; «Материалы по районированию Средней Азии; Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, Бухара — Ташкент, 1926, стр. 207; Н. Т. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 64.

⁹ «Лачик» — овальное в плане жилище, остов которого делается из жердей дерева арчи или из ивы. Покрывают лачик циновками (буйра) или старыми кошмами, стены составляют из неорнаментированных чиевых циновок. На лачик требуется около 40 буйра и 4 циновки из чия.

¹⁰ См. М. М. Советкина, Пастбища и сенокосы Средней Азии, Ташкент, 1938; И. О. Морозова, Пастбища и их использование, «Сов. Таджикистан», Сталинабад, 1950, и др.

организовывали довольно редко, так как надо было нести большие расходы во время перегона овец — платить гиссарскому и каратегинскому бекам или баям; последние сами постоянно арендовали пастбища у беков. Чаше скот выпасали летом на пастбищах, находящихся немного выше прикишлячных осенне-зимне-весенних. Каждый дурменский кишлак имел подобные летовки. У кишлака Тары-Пая, по сообщению нашего информатора Н. Юлдашева, было несколько таких летовок: Таш-булак, Зарак-булак, Коль и т. п. Все они были расположены у одноименных родников. Скот на этих пастбищах находился в течение четырех летних месяцев, затем спускался на прикишлячные пастбища. Богатые овцеводы угоняли своих овец в Каратегин, в верховья реки Иляк (левый приток Кафирнигана), в местность выше Бодана, где выпасали скот в течение шести месяцев.

Кроме овец, дурмены держали крупный рогатый скот¹¹, лошадей и коз; за последними никакого ухода не было. Крупный рогатый скот и коз держали главным образом бедные семьи.

В прошлом овцеводы, узбеки-дурмены и по сей день занимаются в основном животноводством. При совершенно новых, социалистических формах ведения хозяйства дурмены сохраняют народные традиции животноводства, широко используют многовековой опыт ухода за скотом, чему способствует специфика отгонно-пастбищной системы в совхозах и колхозах данного района.

Разведение курдючных овец гиссарской породы и, в меньшей степени, крупного рогатого скота и верблюдов является главным занятием узбеков-дурменов.

За годы Советской власти в хозяйстве дурменов появились новые отрасли, ранее совершенно не характерные для полукочевников-скотоводов, обусловленные переходом к оседлости. В совхозе им. Калинина немало внимания уделяется зерновым и техническим культурам, огородничеству, садоводству и бахчеводству. Совершенно новыми отраслями хозяйства являются свиноводство, птицеводство и шелководство, которые появились лишь с момента организации совхоза и в настоящее время только начинают развиваться.

В совхозе разводят овец, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. Весь скот распределен по фермам: имеются две овцефермы, пять ферм крупного рогатого скота, конеферма и свиноферма.

Овцы распределены по отарам — всего двадцать шесть отар, из них двадцать маточных. Совхоз выращивает гиссарскую породу курдючных овец, которая известна в Таджикистане и далеко за его пределами своими высокими мясо-сальными качествами, выработавшимися у этой породы в результате искусственного и естественного отбора в данных географических условиях¹². Крупный рогатый скот и лошади находятся на стойловом и полустойловом содержании.

Зимой, осенью и весной овец держат на прикишлячных пастбищах, на лето угоняют высоко в горы (3000 м над уровнем моря). Здесь прекрасные альпийские пастбища с хорошим составом трав (дикие неэфемерные злаки, ковыли, заросли эремурусов), которые обеспечивают

¹¹ Для выпаса крупного рогатого скота население кишлака объединялось и сообщало пастуху. Такое объединение называлось «подаван». Пастуху платили за выпас каждой коровы один «кодак» (400 г) пшеницы. Подобные объединения были и у локайцев (см. Б. Х. Кармышева, Указ. раб.).

¹² Характеристику гиссарских овец см.: С. Г. Азаров и О. И. Бригис, Овцеводство Таджикистана, М., 1930; И. Г. Лебедев, Производственная характеристика гиссарских овец в современном их состоянии в целях селекции на мясо-сальные и шерстные качества, «Животноводство Таджикистана», Сталинабад, 1943, и др.

хороший нагул гиссарским овцам. Выше отмечалось, что дурмены не могли перегонять каждое лето свой скот на эти пастбища, теперь же совхоз имеет в высокогорье свои постоянные пастбища, где выпасаются совхозные стада.

Переход овец на летние пастбища (джайляу) лежит через Анзобский перевал. Овцы проходят около 300 км за 7—8 дней. Перед тем как отправить скот на летовки, из совхоза выезжает объездчик, который проверяет состояние дорог, исправность мостов и опасные места, где под снегом могут оказаться горные потоки — «тарма», очень опасные для овец. На пастбищах объездчик расчищает родники и выбирает места для стоянок. За время пути овцы теряют в весе и худеют, так как скот вынужден проходить в день большие расстояния¹³. Каждая отара идет отдельно, ее сопровождают три-четыре чабана и несколько собак местной породы. Собаки помогают чабану охранять стадо и собирать заблудившихся овец.

На летовках чабаны пасут скот днем и ночью и только в самое жаркое полуденное время делают перерыв на два-три часа. К концу лета овцы хорошо нагуливают жир и крепнут.

Как только по утрам трава начинает покрываться инеем, чабаны отправляют овец в обратный путь к зимовкам. Отары гонят к кишлакам на осенние пастбища, где их часто пасут по жнивью убранных полей. Здесь скот быстро отдыхает и поправляется после трудного перехода с джайляу.

К зиме овец гонят к подножью гор, где пастбища находятся в небольших долинах среди холмов, защищенных от ветров. Зимой нужен особенно тщательный уход за овцами, так как они подвержены различным простудным заболеваниям. В зимнее время овцы содержатся в загонах (кутаны). На солнечной стороне, хорошо защищенной от ветров, устраивают площадки и огораживают их невысокой изгородью из пахсы, прутьев ивы или стеблей каурака. Делают и круглые в плане загоны — кора¹⁴. На склонах холмов чабаны роют полуземлянки-укрытия на пять-семь овец, в которых часто содержатся и козы. На каждом зимнем пастбище бывает по несколько таких кутанов (рис. 2). Чабаны очищают площадки кутанов от снега и разбрасывают деревянной лопатой (курак) сухой навоз (кый), чтобы овцы к ночи легли на теплую подстилку. Во время сильных холодных ветров овец укрывают кусками кошмы или брезентом. Чтобы овцы не замерзли, чабан поднимает их в течение ночи пять-шесть раз, а в три-четыре часа утра выгоняет из кутана и пасет до того времени, когда начинает появляться иней. Только после того, как иней исчезнет, овец можно снова гнать на пастьбу. Зима для овец — одно из самых тяжелых времен года.

В середине и конце февраля овец перегоняют на весенние пастбища. С конца февраля до начала апреля проходит ягнение овец. За месяц до ягнения овец выгоняют на специальные окотные площадки и пасут круглосуточно. Такие окотные площадки расположены недалеко от селений и выбираются в местах, хорошо защищенных от ветров, обязательно около лощины, где скапливаются воды. На окотных площадках делают тепляки, землянки — «туля» (ров глубиной около

¹³ К сожалению, по пути перехода овец на летние пастбища нет перевалочной станции, где чабан может получить ночлег, подкормить овец и дать им отдых. В этом отношении показательны перевалочные базы в Киргизии. См. «Культура и быт киргизских селений Дархан и Чичкан». Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVII, М., 1958, стр. 91.

¹⁴ Подобные же кутаны и кора устраивают чабаны-локайцы. См. Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 109.

Рис. 2. Зимние кутаны для овец

1 м, длиной 3—4 м, шириной 1,5—2 м, который заканчивается круглой в плане ямой, крытой сверху камышом и соломой). На площадки подвозят жмых и сено, а если мало дождей и вода в ложине не скапливается, то подвозят и воду. Для воды выкапывают специальные ямы, дно которых выстилают толем. Слабых маток выделяют в особые отары и подкармливают силосом и концентратами. Кроме того, для слабых и больных овец строят кошары, расположенные недалеко от весенних пастбищ. В каждой кошаре работают четыре чабана, ветврач и веттехник.

На окотных площадках содержатся обычно небольшие маточные отары. Каждый день на пастбища приходят сакманщик и учетчик — первый забирает ягнят, второй клеймит их, прикрепляя к уху особыми щипцами круглую бляшку — «ен». Клеймение скота практиковалось дурменами и раньше; в наше время они родовых тамг уже не помнят. Скот метили путем различного вида разрезов на ушах¹⁵.

Четыре-пять дней ягнята находятся в кошаре или туля. Затем их выпасают вместе с отарой. Через некоторое время после окота проводится весенняя стрижка.

После весенней стрижки овец готовят к перегону на летовки. Стрижка проводится в совхозе с начала апреля по середину мая. Места для стрижки выбирают опытные чабаны и огораживают временной изгородью из прутьев ивы или стеблей каурака. Перед стрижкой овец купают, прогоняя через Кафирниган.

В прошлом дурмены стригли овец специальными ножницами — «кайчи»¹⁶, которые покупали на рынке; иногда их делали местные кузнецы. Такие ножницы до сих пор имеются в каждом доме дурмена. Теперь совхоз проводит стрижку при помощи электростригали, которых в совхозе 560 штук. Электростригали работают от движко-

¹⁵ Подобный способ клеймения скота путем различного вида разрезов на ушах был распространен у большинства народов, занимавшихся скотоводством.

¹⁶ Такие же ножницы «кайчи» были у всех полукочевых узбеков и других народов Средней Азии, которые хотя бы отчасти занимались овцеводством. Интересно отметить, что такие же ножницы и под тем же названием были у тувинцев-тоджинцев. См. С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы (Историко-этнографические очерки), М., 1961.

вых электростанций. Молодняк стригут уже на летних пастбищах в возрасте трех-четырех месяцев. Шерсть от весенней стрижки считается лучшей, и дурмены используют ее для тканья паласов, тогда как шерсть осенней стрижки идет на изготовление кошм. Много шерсти совхоз сдает государству, план сдачи шерсти из года в год перевыполняется.

Существенным отличием современного животноводческого хозяйства от старого является регулярная подкормка скота в зимний период. Если раньше дурмены лишь в особо трудные зимы подкармливали скот соломой и листьями фисташника¹⁷, то теперь в совхозе идет планомерная заготовка зернофуража, концентрированных кормов, силоса и сена. Имеется несколько силосных ям и специальных рвов, куда закладывают кукурузу, жмых, ботву от арбузов и дынь и т. д. Закладка силоса производится в конце июня. Налажена централизованная доставка кормов на подкормочные площадки.

Другой новой чертой современного животноводческого хозяйства является наличие постоянной регулярной зооветеринарной помощи и, благодаря этому, отсутствие массовых инфекционных и неинфекционных заболеваний скота. В совхозе работают старший ветеринарный врач и старший зоотехник, по два-три ветврача и зоотехника на каждой ферме. Они систематически осматривают скот и проводят профилактические мероприятия. Различные простудные заболевания у овец успешно лечат сульфамидными препаратами и антибиотиками. Раз в десять дней ветеринары выезжают на пастбища и проводят профилактические осмотры скота.

Наряду с постоянной квалифицированной зооветеринарной помощью чабаны пользуются народными способами лечения скота. Каждый опытный чабан знает народную ветеринарию и многие лекарственные травы, которые чабаны собирают и сушат. Широко применяют, например, подорожник, который прикладывают к пораженным участкам на ногах у овец. Особой палочкой «орчак» очищают копыта овец от червей. Различные нарывы — «думбал» — лечат, делая прокол шилом, продевая в плетеный чумич (ложка из прутьев ивы), рану промывают соленой водой.

Успехи в животноводстве совхоза неразрывно связаны с добросовестной и хорошей работой чабанов. Жизнь чабана, его быт обусловлены особенностями животноводческого хозяйства, отгонно-пастбищной системой. Поэтому быт чабана, его одежда, жилище, пища несут в себе еще много старых, традиционных черт, связанных с полукочевым образом жизни.

Мастерство чабана всегда очень ценилось и передавалось от отца к сыну. Среди дурменов имеются известные чабанские фамилии.

Труд чабана тяжел. Нередко чабан спит лишь несколько часов в сутки, он должен несколько раз вставать ночью, особенно в зимнее время, укрывать овец в непогоду, охранять стадо от волков. Многие сотни километров чабан проходит, выпасая стада. В обязанности чабана, кроме пастбы, входят подкормка овец, расчистка площадок кутанов, поение овец, проведение окотной и других кампаний. Особенно важный период работы чабанов — выпас овец на летних пастбищах, где овцы должны окрепнуть и нагулять жир.

Покидая родные кишлаки, чабаны совхоза в настоящее время уходят на джайлау без семей. В пути чабан находится несколько дней

¹⁷ Очевидно, заготавливать листья фисташника для подкормки скота дурмены научились у таджиков, см. Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР, Сталинабад, 1960, стр. 155.

и берет с собой лишь самые необходимые вещи: одну-две рубахи, один-два чекменя, небольшой запас пищи — муку, рис, масло. С каждой отарой идут ишаки и верблюды, которые везут летние разборные жилища чабанов и запасы продовольствия.

Жилище чабана и его одежда должны быть хорошо приспособлены к условиям его жизни. На летних и весенне-осенних пастбищах чабаны живут в юртах, лачиках и небольших палатках «чатыр»¹⁸, играющих скорее роль хозяйственного помещения, зимой же чабаны живут в кишлаках, так как скот находится вблизи селения и возле него чабаны дежурят по очереди.

Одежда чабана должна быть теплой, удобной, не стесняющей движений, приспособленной для дальних переходов и ночевки на открытом воздухе. Такая одежда выработалась в результате полукочевого образа жизни и до настоящего времени сохраняет национальную форму. Чабан надевает рубаху — «койлек» из хлопчатобумажной ткани прямого покроя с разрезом по плечу (зимой надевают две-три рубахи), халат — «чапан», стеганный на вате, поверх чапана — «джиляк» — халат без подкладки. В холодное время и ночью надевают туникообразный прямого покроя «чекмень» из домотканного сукна овечьей, реже верблюжьей шерсти. Обязательным элементом одежды чабана является так называемый «кибенак»¹⁹ из тонкой серой кошмы, по покрою

Рис. 3. Чабан с отарой гиссарских овец на весеннем пастбище

ничем не отличающийся от чекменя. Иногда к чекменю с обратной стороны пришивают на спину и плечу куски кошмы (кииз). Чабаны говорят, что в кибенаке, как и в юрте, — не страшен ни холод, ни ветер. На голове чабан носит чалму из куска клетчатой хлопчатобумажной ткани, которую навивает на тюбетейку, а зимой круглую шапку — «тельпек» из домотканного сукна, отороченную мехом овцы или лисицы. Аналогии такого же головного убора мы находим у казахов и киргизов. Обувью служат глубокие кожаные калоши — «мукки», которые чабаны шьют сами из кожи крупного рогатого скота. Мукки носят с «пайтава» — обмотками из холстины или сукна. Мукки хорошо приспособлены к гористой местности и являются также обувью горных таджиков, у которых дурмены, вероятно, ее и заимствовали.

¹⁸ «Чатыр» — брезентовая или войлочная палатка, прямоугольная в плане. На две вертикальные деревянные жерди с развилками (хача), которые вбивают в землю, кладут горизонтальную жердь (рауча). На нее набрасывают прямоугольный кусок брезента или кошмы, края которой укрепляют при помощи небольших колышков (казы), вбитых в землю.

¹⁹ Одежда подобного типа и с тем же названием бытовала у казахов (кибенек) (см. Ч. Ч. Валиханов, Собр. соч., в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 328) и у киргизов (киментай см. «Культура и быт киргизских селений Дархан и Чичкан», стр. 184).

Халаты подпоясывают четырехугольным вышитым платком, сложенным по диагонали. К такому поясу чабан пристегивает предметы, нужные ему постоянно: нож, нагайку «камчи», бритву в кожаном футляре «паке», «чакмак» — орнаментированный кусок железа, выполняющий роль кремня и точильного камня, «бугуз» — шило с ниткой и иглой, деревянную палочку «орчак» для очистки копыт животных. Все эти предметы находятся в футлярах из козьей кожи, украшенных кожаной бахромой. Вместе все это называется «дохдана»²⁰. Чабан всегда имеет при себе палку — «таяк»²¹. Палку-посох чабан подкладывает себе под голову, чтобы скорее проснуться, палка является его основным оружием в случае нападения волков.

До настоящего времени в быту чабанов сохраняются некоторые пережиточные обряды и поверья, связанные с ведением животноводческого хозяйства.

Как и прежде, выгон скота на летние пастбища считается у дурменов большим событием, и в нем так или иначе принимает участие почти все население кишлака. Раньше этот день назначался заранее и сопровождался обильным угощением и приношением в жертву скота. На окраине кишлака резали барана и выливали кровь на дорогу, по которой должен был идти скот, затем мясо варили и его съедали приглашенные, всеми уважаемые старики. Жертву приносили покровителю овечьих стад «Чопан-ата»²², «чтобы были здоровый скот и хорошая трава на пастбищах». День отправления на пастбище чабан выбирал сам, он не шел на летовку в «несчастливый» день (большинство таких дней падало на среду, четверг и пятницу). Интересно отметить, что соблюдающие старые обычаи чабаны 1 мая и 7 ноября считают счастливыми днями независимо от того, на какой день недели они выпали.

В то время, когда идет ягнение овец, некоторые чабаны не моются и не стригутся: считается, что окот в случае нарушения этого обычая может быть неудачным. До сих пор иногда перед случной кампанией о голову барана-производителя разбивают двойную дыню или арбуз, «чтобы было много двоен». Теперь этот обычай превратился в веселую забаву.

Наряду с сохранением у чабанов традиционных черт животноводства, среди которых положительные традиции народного опыта соседствуют с отживающими и подчас вредными предрассудками и суевериями, — в настоящее время в их быту появились черты, имеющие новое, социалистическое содержание. В совхозе рабочим-чабанам созданы нормальные бытовые условия. Все чабаны имеют постоянные глинобитные дома в поселках совхоза, где живут их семьи, дети учатся в школах. Несколько раз в течение лета совхозные машины приезжают на пастбища и привозят чабанам продукты, одежду, журналы и газеты. Летние пастбища посещают лекторы, зоотехники и ветврачи, которые проводят беседы с чабанами. Чабаны обеспечены медицинской помощью. Среди совхозных животноводов есть чабаны, получив-

²⁰ У локайцев чабан также носит этот комплекс предметов, см. Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 114. Кунграты и горные таджики тоже пользуются дохдана.

²¹ По существовавшим прежде представлениям дурменов, посох чабана — предмет, обладающий магической силой. Через посох нельзя прыгать, иначе, по поверью, может погибнуть много овец. Если раньше под рукой не было корана, то человек мог произнести клятву на посохе чабана, который в данном случае заменял коран. Палка чабана наделялась магической силой также у горных таджиков и локайцев, см. Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 114.

²² Пастухи узбеков-локайцев, а также некоторых других народов Средней Азии тоже поклонялись Чопан-ата, см. Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 115.

шие высокое звание лучшего чабана Таджикской республики. Таков чабан Чары Дуснаев, который в 1961 г. от 100 маток вырастил 129 ягнят.

Кроме овцеводства, которому отводится ведущая роль, в совхозе занимаются разведением крупного рогатого скота местной зебувидной породы²³, дающего сравнительно небольшие удои молока²⁴. Всего крупного рогатого скота в совхозе около 1600 голов. Наряду с разведением местной породы молочного скота совхоз с 1959 г. стал заниматься выращиванием бурлатвийской и буркарпатской пород крупного рогатого скота высокой молочности. В совхозе проводится акклиматизация этой породы, так как племенной скот плохо переносит

Рис. 4. Новый коровник в селении Ходжабульбулан

жаркий климат; построены специальные навесы, под которыми скот проводит жаркие часы дня. Такой уход дал свои результаты, и летом 1959 г. уже у 20 голов маточного поголовья был приплод. В совхозе уделяется большое внимание также улучшению пород местного крупного рогатого скота. Покупают племенных производителей, составляют специальные рационы.

Летом крупный рогатый скот держат на пастбищах среднегорной зоны (1500—1700 м над уровнем моря), где он находится до октября, после чего на зиму переводится на стойловое содержание. В совхозе построено несколько типовых коровников и телятников (рис. 4).

Таким образом, за годы колхозного, а позднее совхозного хозяйства узбеки-дурмены приобрели новые навыки в животноводстве. Оно характеризуется прежде всего строгой плановостью — производится регулярный выпас овец на определенных сезонных пастбищах с правильным использованием последних. В результате ряда организационных мероприятий скот обеспечен кормами, правильным водопоем и постоянной зооветеринарной помощью.

Полеводство является второй важной отраслью хозяйства совхоза. Дурмены издавна занимались хлебопашеством, но оно всегда в их хозяйстве играло подсобную роль. Как и другие группы, полукочевых

²³ Для крупного рогатого скота узбеки-дурмены строили землянки или полуземлянки, которые можно видеть иногда и теперь. Особенно много таких хозяйственных помещений у дурменов Бабатага, где разведение крупного рогатого скота играло значительную роль.

²⁴ В среднем коровы местной породы дают 3—5 литров молока в день.

узбеков, дурмены выращивали зерновые культуры на богарных землях, используя весенние дождевые осадки²⁵. Хлебопашеством занимались бедные или средние хозяйства, тогда как баи, имевшие большие стада, зерновые сеяли редко. До Великой Октябрьской революции дурмены засевали ячменем и пшеницей небольшие участки богарных земель, расположенных недалеко от кишлаков. Обработка земли и сбор урожая велись примитивными сельскохозяйственными орудиями. Землю удобряли навозом или вообще не удобряли. Пахоту производили один лишь раз деревянной сохой типа рала (омач) с железным наконечником (тиш) или без него. Сеяли вручную из мешка домашнего изготовления. Сев производили на прошлогодних участках без вспашки и только после сева землю пахали и разравнивали при помощи доски-волокуши (мала). Когда пшеница поспевала, ее убирали ручным серпом без зазубрин (урак). Ставили снопы (баг), через 2—3 дня 20—30 маленьких снопов свозили в небольшие стога (горам), после этого пшеницу оставляли на поле на 5—6 дней, чтобы она подсохла. Затем на сенах-волокушах (чигине) эти стога свозили на ток (хирман) и разбрасывали там для молотбы. Молотбу производили следующим образом. По разбросанным снопам гоняли 2—3 лошади или 2 рабочих вола, запряженных в «чапар» (сплетенная из прутьев ивы волокуша типа малы). После того как зерно отделялось от соломы, его тщательно провеивали, подбрасывая деревянной лопатой навстречу ветру. Подобный процесс обработки земли, уборки и обмола в прошлом можно было наблюдать почти у всех народов Средней Азии, в частности у таджиков²⁶.

Это был очень тяжелый труд, так как почвы в горах очень нелегко вспахивать. Рабочие вола были только у нескольких человек из селения, и за пользование ими приходилось отдавать до одной четверти урожая. Лошадей и ишаков дурмены на сельскохозяйственных работах не использовали, так как лошадей берегли для верховой езды и участия в козлодрании — любимой игре узбеков-дурменов. Как и другие в прошлом полукочевые узбекские племена, дурмены часто устраивали так называемые «хашары» — взаимопомощь при сельскохозяйственных работах, преимущественно во время сбора урожая.

После организации колхозов, когда дурмены впервые смогли использовать сельскохозяйственные машины, они стали засевать большую площадь богарных земель, повысилась урожайность. Разнообразие зерновых и технических культур (пшеница, ячмень — озимые и яровые, кукуруза, лен, хлопок и др.), применение новых агротехнических приемов и механизация наиболее тяжелых видов полеводческих работ характеризуют ныне хозяйство совхоза им. Калинина. Богарные земли пахут тракторами два-три раза, удобряют землю навозом и различными фосфорными и азотными удобрениями.

Одной из наиболее важных и трудоемких культур является хлопок, который дурмены стали выращивать только после организации колхо-

²⁵ У дурменов в прошлом был обычай вызывания дождя — «сус-хатын». Вечером на берегу Кафирнигана собиралась молодежь. Молодая женщина, знающая песню сус-хатын, садилась на корточки, и ее накрывали чекменем из овечьей шерсти. Между колен она держала пустую высушенную тыкву и доила в нее соломинку или камышину, приговаривая: «Гыр, гыт! Гыр, гыт!» — и пела песню сус-хатын. В это время молодежь со смехом и криками выливая ведра воды друг на друга и на женщину, исполнявшую сус-хатын. Подобный обычай был широко распространен в районах, где было богарное земледелие.

²⁶ Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна Хингоу, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 118—123.

зов. Совхозные хлопковые поля, а также сады, огороды и бахчи расположены на поливных землях.

Система ирригации, посредством которой орошаются земли, расположенные вдоль берега реки, несложна²⁷. Сеть арыков снабжается водами Кафирнигана. Вода идет в арыки самотеком, а на более высоких берегах нагнетается при помощи механических насосов, которые установлены в нескольких кишлаках. Вследствие хорошей подачи воды совхоз имеет возможность все более увеличивать площадь посевов на поливных землях. В 1959/60 г. были освоены два плодородных участка земли — Минг-Батман и Кызыл-Дагит, которые вследствие понижения уровня воды в Кафирнигане раньше недостаточно орошались. Таким образом совхоз получил дополнительную посевную площадь около 300 га. Грандиозная работа проводится по укреплению берегов Кафирнигана. В период разлива река подмывает берега и сносит целые участки поливных земель и даже территории кишлаков. В прошлом местное население с суеверным страхом относилось к Кафирнигану. Реке приносили в жертву крупный рогатый скот и овец, кровь которых выливали в бурные воды реки. Кроме того, в месте подмыва берега закапывали одежду сироты, с некоторым количеством ртути. Считалось, что после совершения этого обряда Кафирниган должен изменить русло.

Сейчас на реке ведутся постоянные работы: строят дамбы, надевают берегоукрепительные сетки, делают насыпи из галечника, работают грейдеры. Теперь рабочие совхоза могут сеять хлопок и вести другие работы на землях вдоль реки, где почвы весьма пригодны для произрастания хлопчатника.

Культура хлопчатника, непривычная для скотоводов-дурменов, требующая определенных земледельческих навыков, за время колхозного строительства была ими полностью освоена, и в настоящее время дурмены стали настоящими мастерами-хлопкоробами. Хлопок занял важное место в хозяйстве совхоза. Возделывание культуры хлопка, без сомнения, было одним из решающих факторов в процессе окончательного оседания дурменов-полукошечников. В этом отношении нельзя не отметить культурное влияние их ближайших соседей — таджиков, которые и раньше культивировали хлопок. Процесс выращивания хлопка у дурменов такой же, как и у таджиков Северного Таджикистана, он подробно описан Н. Н. Ершовым²⁸.

Огородничеством и садоводством дурмены до коллективизации не занимались. Путешественники, побывавшие в Гиссарской долине, описывают дурменские кишлаки как совершенно не имеющие зелени²⁹. Дурмены стали заниматься выращиванием плодовых деревьев лишь в период колхозного строительства, а значительного развития садоводство достигло только накануне Великой Отечественной войны. Плодовые саженцы и семена огородных культур приобретались преимущественно у таджиков, от них дурмены заимствовали и основные навыки садоводства.

В настоящее время в совхозе имеются сад и виноградник. В совхозном саду выращиваются персики, яблоки, вишни, гранаты и т. д.

Огородничество, как и садоводство, получило развитие лишь в по-

²⁷ Раньше рытье арыков было трудным и сложным делом. Их рыли вручную при помощи специальной лопаты — «биль». Совершали магические обряды и приносили в жертву скот, кровь которого выливали в арык. Баи в таких работах не участвовали, а нанимали вместо себя работника или давали скот для общего угощения.

²⁸ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», гл. II, «Хозяйственная деятельность колхоза».

²⁹ Н. Маев, Очерки Гиссарского края, «Туркестанские ведомости», 1876.

следнее время. В совхозе выращивают картофель, помидоры, огурцы, лук, морковь. Овощи и фрукты идут в основном на нужды рабочих.

В совхозе развито бахчеводство, которым издавна занимались дурмены. На поливных землях вдоль реки выращиваются дыни и арбузы, которые сохраняются в свежем виде в течение зимы. Из мякоти дыни и арбуза дурмены варят патоку и повидло, дыню сушат. Раньше дыни и арбузы сажали на тугайных и богарных землях. Богарные земли под бахчи тщательно обрабатывали, пахали до семи раз, «пока брошенный камень не утонет в земле». Сорта дынь, культивируемые дурменами, — акнават, амри, агандаляк, кокча, бухари, шотыр; арбузов — аит-кара, теш-рухум и др. Эти же сорта дынь и арбузов культивируются и на совхозных бахчах. Интересно отметить, что таджики, живущие в горах Гиссарского и Газималекского хребтов, раньше дынь не выращивали, а приезжали к дурменам и выменивали их на глиняные кувшины (куза). Сейчас таджики научились выращивать бахчевые культуры и получают хорошие урожаи.

Заканчивая обзор хозяйства совхоза имени Калинина, где основное внимание уделялось овцеводству, традиционному занятию узбеков-дурменов, необходимо подчеркнуть, что на развитие у них полеводства, огородничества и садоводства оказало влияние оседлое таджикское население. С другой стороны, в специфических приемах ведения животноводческого хозяйства прослеживается ряд черт, сближающих дурменов с другими в прошлом полукочевыми узбекскими группами и прежде всего с локайцами и кунгуратами.

Полностью осев в период колхозного строительства, узбеки-дурмены, продолжая вести животноводческое хозяйство, освоили ряд новых отраслей (хлопководство, садоводство, огородничество, шелководство, птицеводство), ранее совершенно не характерных для бывших полукочевников.

SUMMARY

The author of the article made a study of the economic pattern of the workers of a state farm, basing himself on ethnographic materials collected in 1959—1961 on the Kalinin State Farm (Kafirnigan Valley, Southern Tajikistan). From the point of view of their nationality, the state-farm workers are largely Durmen Uzbeks, formerly semi-nomad sheep breeders.

In the Soviet years, and especially after the establishment of the state farm (in May 1957), the economy and way of life of the Durmen Uzbeks underwent radical changes, brought about by the socialist system of economy, although pasture cattle breeding, with its traditional practices and experience, has been retained. A paramount part in bringing about these changes was played by the adoption by the Durmen Uzbeks of a settled mode of life in the first years of collectivization of agriculture.

The material on which the article is based enables the reader to trace certain common features in the economic pattern of the Durmens and that of the neighbouring peoples (the Lokai Uzbeks, Kungurats and Tajiks) — features that reflect the long-standing ethnic and cultural ties between them.

Н. Г. Борозна

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УЗБЕКОВ-ДУРМЕНОВ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

Свадьба узбеков-дурменов¹ в последние годы претерпела некоторые изменения, утратив ряд старых элементов обрядности и получив новые. Однако и в наши дни их свадебная обрядность в основном сохраняет свою традиционную форму, а порой и пережитки весьма архаичных черт, корнями своими уходящих в эпоху общинно-родового строя.

В свадьбе дурменов прослеживаются черты, свойственные кочевым и полукочевым в прошлом народам Средней Азии и Казахстана — казахам, киргизам, каракалпакам и гуркменам. В ней отразилось прежнее родо-племенное деление, родовая экзогамия, являющаяся, по мнению Т. А. Жданко, «...одним из наиболее устойчивых пережитков общинно-родового строя народов с полукочевым бытом»².

Принято считать, что даштикипчакские узбеки уже давно утратили обычай экзогамии. В доказательство такого положения приводится обычай брака двоюродных брата и сестры, детей двух родных братьев³. Однако об экзогамности рода у дурменов в недалеком прошлом⁴ свидетельствуют бытовавшие почти до наших дней наряду с параллельно-кузенными браками между детьми двух родных братьев и детьми двух родных сестер и кросс-кузенные браки между детьми брата и сестры. Параллельно-кузенные браки сына и дочери двух родных сестер считались у дурменов более предпочтительными, чем браки детей двух родных братьев, относящиеся к значительно более позднему времени — времени распада родо-племенной структуры. Как сообщают наши информаторы, у дурменов еще в конце XIX — начале XX в. сохранялись взаимнобрачные связи между определенными родами; брачались всегда были из разных родов. У бабатагских дурменов вплоть до недавнего времени выделялись четыре большие родовые группы: саксан, ногай, чурдак и чарчур, причем взаимнобрачавшимися были саксан и ногай, чарчур и чурдак. Такое деление, являющееся несомненным пережитком дуальной

¹ Дурмены — одна из этнографических групп узбеков даштикипчакского происхождения, потомков племен даштикипчакских узбеков, пришедших в Среднюю Азию в XVI в. Они в отличие от основной части узбеков до недавнего времени вели полукочевую жизнь и сохраняли родо-племенное деление. К узбекам даштикипчакского происхождения относятся катаганы, дурмены, кунграты, локайцы, найманы и другие. В данной статье используются материалы, касающиеся преимущественно дурменов, расселенных в долине р. Кафирниган (Таджикистан) и Бабатагских горах (Узбекистан). Подробнее об этнографической группе узбеков даштикипчакского происхождения см.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ АН СССР), вып. XXVII, М., 1957; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIII, М., 1960.

² Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 70.

³ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, М., 1962, стр. 315.

⁴ Отметим, что в Средней Азии пережитки экзогамии наиболее четко прослеживаются у каракалпаков, см. Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 13.

экзогамии, прослеживается и у других народов⁵. Даже в настоящее время, когда деление бабатагских дурменов на родовые группы уже не играет практически никакой роли, браки между людьми из взаимнобрачащихся в прошлом групп старшее поколение считает наиболее предпочтительными.

Обычай параллельно-кузенного брака у дурменов сохраняется до некоторой степени и теперь. Бывают случаи, когда женщина из рода ногай, вышедшая замуж за мужчину из рода саксан, стремится женить своего сына на девушке из рода ногай, предпочтительно на дочери своей родной сестры. Это также подтверждает былую экзогамность патриархального рода у дурменов.

В настоящее время молодые люди нередко даже не знают, к какому родовому подразделению они относятся, да и для многих стариков родо-племенное деление отошло в область истории. Браки большей частью заключаются по взаимной склонности юноши и девушки, независимо от их родовой принадлежности. Племена полукочевых узбеков были эндогамны. Так у дурменов браки заключались только в пределах своего племени. То же наблюдалось у локайцев и кунгратов. Со временем у дурменов, как и у некоторых других народов, сохранявших родо-племенное деление, запрет жениться на девушках из чужих племен стал нарушаться. В конце XIX в. дурмены иногда женились на таджиках. В Зеравшанской долине, как сообщал А. Д. Гребенкин, минги, катаганы, каракалпаки и мужчины из других узбекских групп женятся только в пределах своего племени⁶. Таким образом, дурмены не были в этом отношении исключением.

У полукочевых в прошлом узбеков и у других народов Средней Азии и Казахстана формы заключения брака имеют много общего, поэтому мы опишем некоторые из этих форм очень кратко.

Колыбельный сговор (*этак джиртиш*) был широко распространен у узбеков дашти-кипчакского происхождения, а также у узбеков Хорезма, казахов, киргизов, каракалпак и оседлого населения Средней Азии⁷. Сговор обычно происходил между родителями, дети которых были двоюродными братом и сестрой.

Бытовавшие прежде у дурменов левират и сорорат в настоящее время встречаются крайне редко, хотя и поощряются стариками. М. О. Косвен считает левират и сорорат пережитками группового брака периода дуальной экзогамии⁸. Об одном случае левирата, когда младший брат женился на вдове умершего старшего брата, нам рассказали в сел. Тарыпая в 1963 г. Мужчина 26 лет, только что вернувшийся из армии, уступил уговорам своих родителей и женатых братьев и женился на 36-летней вдове старшего брата, у которого осталось двое детей. Братья и родители женившегося живут одной неразделенной семьей. Уговаривая младшего сына жениться, они руководствовались и чисто-экономическими соображениями: не хотели выделять из общего хозяйства вдову. Такие браки случались, как правило, в больших неразделенных семьях, где авторитет родителей и женатых старших братьев был весьма высок. Поскольку неразделенных семей становится все меньше и меньше, подобные браки скоро уйдут в область прошлого. К сказанному нужно добавить, что левират и сорорат как формы брака бытовали в Средней Азии и у народов со скотоводческим направлением хозяйства и у оседлых земледельцев⁹. Это еще раз свидетельствует о том, что оседлые и кочевые народы прошли одинаковые стадии в развитии семьи и семейных отношений.

Брак путем похищения совершался у дурменов в исключительных случаях. Юноша тайно увозил девушку в свой кишлак. Только с течением времени, когда родители девушки признавали ее мужа, совершался официальный обряд бракосочетания. В наши дни подобная форма брака почти не встречается.

О собственно свадебном обряде полукочевых узбеков, в частности дурменов, в литературе имеется мало сведений¹⁰. Поэтому характеристика свадьбы дурменов дана

⁵ Пережитки дуальной организации выявлены С. П. Толстовым у туркмен, см.: С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

⁶ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 76, 86, 98 и др.

⁷ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I, М., 1952, стр. 399; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1962, стр. 30, 32; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпак. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в., стр. 70, 71. Колыбельный сговор был и у народов Сибири, см.: Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, «Сов. этнография», 1937, № 4, стр. 19; И. Д. Старынкевич, Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии, «Сборник МАЭ», вып. IX, Л., 1930.

⁸ М. О. Косвен, К проблеме группового брака, КСИЭ АН СССР, вып. I, 1946, стр. 19—22.

⁹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, т. II, М., 1963 (см. разделы, посвященные семье и семейно-брачным отношениям).

¹⁰ Сведения о свадьбе полукочевых узбеков, в том числе и дурменов, мы находим у А. Д. Гребенкина (Указ. раб., стр. 64—68 и др.). Советские этнографы — К. Л. Задыхина, Н. П. Лобачева, К. Шаниязов и Т. Файзиев описали свадебный обряд у северных узбеков Хорезма, узбеков-карлуков и курама, см.: К. Л. Задыхина, Указ. раб.,

в основном по материалам полевых исследований автора, проведенных в южных районах Узбекистана и Таджикистана (1958, 1959, 1961, 1964 гг.)¹¹.

Совершение свадебного ритуала раньше, а в значительной степени и теперь — дело всего селения и прежде всего родственников жениха и невесты. У дурменов Кабадпана, Бабатага, долины Кафирнигана, как и у многих других народов¹², самое активное участие в свадьбе принимали односельчане жениха и невесты.

В настоящее время, несмотря на то, что браки заключаются по взаимному согласию юноши и девушки, во время свадьбы выполняются все основные свадебные обряды — «соборания» совета стариков, сватовство, помолвка, бракосочетание.

Прежде чем приступить к устройству свадьбы, несколько раз собирается совет стариков (*масляхат*) как со стороны жениха, так и со стороны невесты. На масляхате в настоящее время присутствуют старики, родственники и наиболее уважаемые люди колхоза, совхоза, села, независимо от их возраста. Обычно это бригадиры, в бригадах которых работают юноша и девушка, управляющий фермой, бухгалтеры, знатные колхозники и др. Без масляхата не проходит ни одна свадьба. Первый совет собирается в доме родителей юноши. На нем решают, кого послать в качестве сватов в дом девушки, и обсуждают вопросы, связанные с организацией свадьбы.

Масляхат со стороны невесты собирается лишь после начала сватовства. Он обсуждает достоинства жениха и его родни, некоторые вопросы устройства свадебного торжества.

После того, как масляхат со стороны жениха решил вопрос о сватах, совершается церемония сватовства (*кудалык*). Сватами (*саучи*) могут быть и мужчины и женщины. В Кабадиане в качестве свахи обычно посылается женщина, которая не только должна быть красноречивой, пользоваться уважением односельчан, но и иметь здоровых детей. В долине Кафирнигана и у узбеков Бабатага сватами обычно выбирают двух-трех мужчин.

Прежде чем войти в дом родителей девушки, сваты-мужчины по обычаю ослабляют пояс на цитанах — считается, что родители девушки будут от этого сговорчивей. Затем они крошат сухой кизяк и крошки рассыпают во дворе и у порога дома. Это символизирует пожелание благополучия и обеспеченности (иметь много скота). Принимает сватов отец девушки, но при этом обязательно присутствует и ее мать, а часто и несколько ближайших родственников. Если родители девушки соглашаются сразу, они совершают обряд разламывания лепешек, символизирующий пожелание молодоженам жить дружно и иметь много хлеба. Обряд этот бытует у оседлого населения — таджиков и узбеков, не сохранивших родо-племенного деления. Вероятно, полукочевыми узбеками он заимствован именно у них.

Затем сватов угощают. В прошлом если сватам отказывали, то их совсем не угощали, даже не предлагали чая. Обычно сваты приходят в дом девушки до трех раз, и после третьего раза ответ считается окончательным, однако бывали случаи, когда сваты приходили до десяти раз. Если согласие на брак получено, начинаются приготовления к свадьбе.

Основные свадебные торжества — помолвку (*патила-той*) и праздник бракосочетания (*ника-той*) дурмены всегда устраивают в доме невесты. В ауле невесты свадьбу справляли и другие группы полукочевых в прошлом узбеков¹³, а также казахи и киргизы¹⁴, каракалпаки, таджики¹⁵. Лишь у туркменова *ника-той* совершался и совершается в доме родителей жениха¹⁶.

стр. 402—405; Н. П. Лобачева, Свадебный обряд хорезмских узбеков, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIV, 1960; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1964, стр. 140—152; Т. Файзиев, Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963, стр. 21.

¹¹ Пользуясь случаем выразить благодарность Тернашу Нурмантову — бухгалтеру совхоза им. Калинина — и многим другим, оказавшим большую помощь в сборе материалов.

¹² Л. Я. Штернберг отмечал обязательное участие коллектива в свадьбе у народов северо-восточной Сибири. «Брак», — писал он, — акт социальный, санкционируемый коллективом — родом у народов с родовой организацией, а в нашем крестьянстве — группой родственников и отчасти и целым обществом», см.: Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Сибири, Л., 1933, стр. 182.

¹³ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 66.

¹⁴ Х. Кустанаяв, Этнографические очерки киргизов Перовского и Казалинского уездов, Ташкент, 1894, стр. 27, 82; Р. Карутц, Среди киргизов и туркменова на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 98.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLIII, М.—Л., 1959, стр. 95, 96; его же, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1958, стр. 24.

¹⁶ А. Джикиев, Свадебные обряды у туркменова-салыров в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963.

Патия-той — первый этап свадебной церемонии у дурменов, кунгратов и других даштикинчацких узбеков. Помолвка считалась прежде обязательной, если невестой была девочка 9—13 лет. Если же выходила замуж вдова или девушка старше 20 лет, патия-той не устраивали. Теперь, когда брачный возраст девушек изменился (замуж выходят обычно в 18—24 года), патия-той часто не справляют.

Перед патия-той невеста и жених одевают свадебные костюмы. Последние в основных своих элементах не отличаются от обычных, но имеют некоторые особенности. Свадебная одежда должна быть обязательно новой. Жених надевает новый халат (*чапан*) из полушелкового материала (*бекасаб*) и подпоясывается шелковым или хлопчатобумажным платком, вышитым невестой ко дню свадьбы. Хотя в настоящее время большинство мужчин молодого и среднего возраста носят шапки-ушанки или кепи, на свадьбе жених должен быть в чалме (ее навивает ему старший брат или, если его нет, один из близких друзей). Новую тюбетейку, специально вышитую к свадьбе невестой, жених надевает под чалму. Обувь жениха — традиционные сапоги (*этик*). Раньше жених не всегда имел возможность приготовить себе новую одежду для свадьбы, в таком случае он мог одолжить нарядный халат и сапоги у любого жителя кишлака. За это никакой платы не требовалось.

Невеста надевала новые платье, халат (*чапан*), платок. Подол ее платья не подшивали, что символизировало пожелание благополучной супружеской жизни. В настоящее время невесте шьют ставшее сейчас модным платье со вшивными рукавами, на кокетке, со стоячим воротником, отделанным рюшем (*парпар*), однако как и раньше подол не подшивают. На ноги невеста прежде надевала мягкие сапожки с кожаными калошами, теперь же обычно — новые туфли на низком каблучке. Сложный женский головной убор — чалму (*салля*) невесте навивает уже в доме мужа какая-нибудь мастерица этого дела или родственница мужа.

Для устройства патия-той сваты закупают продукты и перевозят их в дом отца девушки. На праздник приглашают много гостей, их угощают пловом, жареным мясом и объявляют о предстоящей свадьбе юноши и девушки. После помолвки родственники жениха, согласно обычаю, дарят родственникам невесты платки, халаты и другие вещи. Подобные обычаи одаривания широко известны повсюду в Средней Азии¹⁷.

В период между помолвкой и праздником бракосочетания жених тайно посещает невесту. Этот обычай сохраняется и теперь. Так, один юноша из кишлака Дугаб на Бабатаге женился на девушке из кишлака Тарыпая в долине Кафирнигана. До свадьбы в течение года он ежедневно после работы переправлялся через Кафирниган на плоту из стеблей каурака, чтобы попасть к своей невесте в Тарыпая (от Дугаба до Тарыпая примерно 40 км).

В прежние времена в период между помолвкой и бракосочетанием отцу невесты выплачивалась половина калыма за нее, вторая же половина отдавалась позже, но обязательно до совершения обряда бракосочетания. До установления Советской власти калым широко бытовал у всех народов Средней Азии и Казахстана¹⁸. Размер его как и состав приданого, определялся на совете стариков, когда сваты приходили в дом родителей девушки за окончательным ответом. Весь калым шел в распоряжение отца невесты, ее старшего брата или (если не было отца или брата) дяди по матери.

В конце XIX в., судя по данным А. Д. Гребенкина, кочевые узбеки-юсы «платили» за невесту от 5 до 150 овец, кутчи — 60—80 рублей, а минги от 40 до 200 рублей. А. Д. Гребенкин отмечает, что у узбеков калым редко выплачивался деньгами, обычно нужная сумма погашалась скотом и зерном¹⁹.

Информаторы преклонного возраста утверждают, что до революции установленного состава калыма не было. У кунгратов в состав калыма обычно входило от 50 до 100 овец или 1000 рублей денег, у жителей Бабатага — 100 голов овец и 10 голов крупного рогатого скота, 4 лошади. Мужчины-дурмены редко женились до 40 лет, так как не могли раньше уплатить калым.

Глубокий анализ происхождения института калыма дан в работе Н. А. Кислякова. По его мнению, калым у народов Средней Азии и Казахстана являлся своеобразным выкупом за женщину из другого рода. Брак-покупка был характерен для эпохи патриархальных отношений, — пишет Н. А. Кисляков, — и непосредственно связан с большой патриархальной семьей²⁰.

Таким образом, обычай уплаты калыма связан с большой патриархальной семьей и, казалось, должен был с отмиранием этой семьи полностью исчезнуть. Как известно, подобная семья у народов Средней Азии и Казахстана уже ушла в прошлое, сохраня-

¹⁷ См. Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 80—84, 123—126.

¹⁸ См. Р. Карутц, *Указ. раб.*, стр. 10; Н. И. Гродеков, *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области*, т. I, Ташкент, 1883, стр. 48, 60, 61, 77 и др.; А. Подваркова, *Брак и развод у киргиз*, «Средняя Азия. Ежемесячное литературное историческое издание», кн. II, Ташкент, 1910; Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 136—180.

¹⁹ А. Д. Гребенкин, *Указ. раб.*, стр. 76, 85, 92, 109.

²⁰ Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 177; см. также М. О. Косвен, *Брак-покупка; его же, Матриархат*, «Ученые записки МГУ», вып. 61, История, т. II, М., 1940, стр. 103, 105, 109, 114.

ется лишь ее пережиточная форма — семья неразделенная. Однако случаи уплаты калыма за невесту встречаются еще и теперь, иногда вне всякой связи с неразделенными семьями. Калым является одним из наиболее стойких, медленно исчезающих вредных пережитков феодально-патриархальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. За годы Советской власти с развитием социалистической экономики и культуры, с изменением социально-бытового уклада этот обычай изменился. Если до Октябрьской революции у дурменов в калым за невесту входили скот и деньги, то теперь в качестве калыма выступают, главным образом, подарки родне невесты: материя, халаты, платья, обувь. Иногда отцу невесты дают и деньги, на которые он покупает дочери некоторые вещи в приданое. В основном же приданое семья девушки готовит сама.

Собирать приданое начинают, когда девочке исполняется 8—9 лет. В состав приданого входят различные носильные и домашние вещи, причем обязательно четное число каждой вещи, например, — четыре платья, шесть платков, два чапана и т. д. Необходимыми элементами приданого являются мягкий ковровый сундучок (*мапрамач*) и два паласа, сотканые непременно девушкой. В настоящее время паласы иногда заменяют ворсовыми коврами, купленными в магазине. В приданое невесте даются и все мягкие принадлежности юрты (их укладывают в мапрамач). Различные ленты для связывания деревянных частей юрты — решеток (*кереге*) и купольных жердей (*ууков*) невеста также должна выткать сама. В работе девушке обычно помогают мать или тетка. Сейчас, когда в юртах уже не живут, комплект мягких принадлежностей для ее убранства девушка получает обычно от матери или бабушки со стороны матери. Наличие в приданом частей юрты свидетельствует о стойкости кочевых и полукочевых традиций у дурменов. Раньше в селение жениха в качестве приданого привозили юрту или *лочик* — жилище полукочевых типа, которые делал или покупал невесте ее отец. Подобный обычай бытовал и у других кочевых и полукочевых народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркменов. У полукочевых узбеков свадебная юрта называлась *стау*, так ее называли и казахи²¹. В настоящее время обычай давать юрту в приданое сохраняется в некоторой степени у дурменов Бабатагских гор. В Кабadiane и долине среднего течения реки Кафирнигана он уже не бытует, здесь для молодых отводят отдельную комнату в доме родителей девушки.

Вещи, вошедшие в приданое, развешиваются для осмотра на протянутых в юрте или комнате (уже в доме мужа) тканых лентах, которыми связывали кереге и купольные жерди. Если приданое демонстрировалось в юрте, то развешивали вещи и на кереге. Нам пришлось наблюдать это обычай в сел. Сарылка (Бабатагские горы). Там молодая женщина вместе с ребенком переехала в кишлак мужа и в составе приданого привезла юрту. Ее устанавливали молодые замужние женщины — родственницы со стороны мужа. В юрте показывали приданое²², а молодуха с ребенком на руках сидела за занавеской (*чемылдык*), сшитой согласно обычаю ее матерью.

Как уже говорилось, в период между патия-тоем и ника-тоем жених тайно посещал невесту, но не мог увести ее в свой дом до тех пор, пока не была выплачена вторая половина калыма.

После полной выплаты калыма устраивался ника-той. В настоящее время этот обряд совершается после вручения родителям и родным невесты определенного количества подарков, а иногда и денег. Накануне ника-тоя организуется угощение юношей — друзей жениха. Этот обычай бытует и теперь. Невеста в своем доме, из которого предвременно уходят родители, братья и сестры, печет вместе с подругами слоеные лепешки (*катлама*). Подруги невесты кладут это угощение на двадцать деревянных блюд (*табак*) и несут в соседний дом, где находятся товарищи жениха. Юноши забирают лепешки, а опустевшие блюда наполняют подарками для девушек — кусками материи. Приняв блюда с подарками, девушки убегают и прячутся в другом доме, предпочтительно у дяди невесты по матери, куда уже привели невесту²³. Хозяин дома, после получения подарка от юношей, впускает их к девушкам. Здесь молодежь устраивает игры, веселится. Нередко в прошлом именно во время таких празднеств юноши и девушки знакомились друг с другом, а иногда и выбирали себе друга по сердцу.

Корни этого интересного обычая уходят очевидно в эпоху первобытнообщинного строя. Одаривание происходило между определенными возрастными классами — между юношами и девушками одного или примерно одного возраста. В прошлом, по рассказам стариков, между юношами и девушками в это время допускалась свобода общения. Все это следует, вероятно, рассматривать, как пережиточные явления группового брака.

²¹ Ф. Ф. Иельструп, Свадебные жилища турецких народностей, «Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея», т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 111, 112.

²² Осмотр приданого, развешанного в юрте, устраивался также казаками и киргизами (там же, стр. 114, 115).

²³ В конце XIX в. подобный обычай существовал также у казахов, см.: Ф. Л.-ий, Свадебные обычаи у киргизов Оренбургского ведомства, «Московские ведомости», 1862, № 51; Алтысарин, Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отделения Русского географического общества», I, 1870; И. И. Ибрагимов, Этнографические очерки киргизского народа, сб.: «Русский Туркестан», вып. 2, 1872 и др.

Ника-той у дурменов, как и повсюду в Средней Азии, является кульминационным пунктом свадебных обрядов. Совершается он в доме родителей девушки и обязательно в полночь. Мулла в присутствии мужчин — родственников жениха и невесты кладет на чашку с водой лепешку и покрывает все это куском марли. Затем над этой чашкой он читает брачную молитву. Жених и невеста на церемонии не присутствуют. Невеста со своими подругами сидит во дворе перед домом, жених также находится неподалеку. Двое или трое из наиболее уважаемых мужчин подходят к невесте и спрашивают, согласна ли она вступить в брак, затем ее ответ передают мулле и присутствующим при молитве мужчинам. У жениха о его согласии на брак спрашивает сам мулла.

Следует отметить, что и в настоящее время, наряду с распространением гражданской регистрации брака, у дурменов по-прежнему совершается этот старый мусульманский обряд бракосочетания. Однако он, как и некоторые другие старые обряды, переосмыслился и выполняется скорее по привычке, в силу традиции, в угоду родственникам старшего поколения.

После совершения ника-тоя подруги вносят невесту на куске белой кошмы (а теперь иногда на ковре или одеяле) в свадебную юрту или дом. У порога юрты или дома сидит старуха (*кампыр*), которую привела сюда мать невесты. Этой старухе близкий друг жениха должен дать выкуп, чтобы она пропустила жениха в свадебную юрту (или дом). Аналогичный обычай встречается у многих народов Средней Азии и у казахов²⁴. Н. А. Кисляков считает его одним из пережитков матрилокального поселения²⁵.

Жених входит к невесте, закрыв лицо полой халата. Ему дают зеркало, в которое он должен посмотреть, чтобы быть «чистым как зеркало». Подруги невесты берут пиау с маслом или повидлом, подходят к жениху и мажут ему губы. Эти магические действия символизируют пожелание быть счастливыми и иметь много детей. Затем замужняя сестра невесты делает несколько больших стежков на верхней одежде жениха, что должно уберечь его от дурного глаза. Постель для молодых стелят родственницы невесты. Всеми приготовлениями руководит мать или тетка невесты.

Переезд молодой (уже в качестве жены и невестки — *келин*) в дом мужа у узбеков южных районов Таджикистана и Узбекистана происходит после полудня, но обязательно до наступления темноты. У узбеков и таджиков других районов Таджикистана, напротив, невесту перевозят в дом мужа вечером, освещая путь факелами, а во дворе ее дома и дома жениха зажигают костры, которые имеют ритуальное значение²⁶.

Ритуальный костер в свадебных церемониях узбеков даштикипчакского происхождения занимает важное место²⁷. В наши дни костер зажигают только у дома жениха перед приездом невесты, хотя совсем еще недавно, как нам рассказывали в Кабадиане, костер зажигали и во дворе дома девушки. Заготавливают дрова для костра и зажигают его посаженная мать молодой.

Институт посаженных отца и матери, которые принимают молодую в доме ее мужа, являются как бы ее опекунами, очень характерен для группы полукочевых в прошлом узбеков. Перед тем, как перевезти жену к себе в дом, муж просит быть для нее названными (приемными) отцом и матерью²⁸ своего близкого друга и его супругу. Названный отец должен к приезду молодой принести барана и приготовить плов для нее и гостей. Когда молодая подъезжает к дому, приемная мать берет за повод лошадь и три раза обводит ее вокруг костра²⁹. Затем она подносит лошади блюдо с ячменем.

Если же молодую привезли на машине, как это часто бывает сейчас, названная мать помогает ей выйти из автомашины, берет ее за руку и они трижды вместе обходят костер. Мать мужа сообщает собравшимся, что своей невестке она дает корову или овцу. Келин и ее названная мать кланяются. После этого у порога дома стелят шкуру барана и молодая наступает на нее. Ей дают чашку с маслом или бараньим салом, ложку и она в сопровождении названной матери идет к костру. Три раза она бросает масло в огонь, что символизирует пожелание дальнейшей благополучной жизни семье.

Затем приемная мать берет келин за руку и вводит в дом, где они вместе будут сидеть за занавеской чимылдык три дня. В прошлом по прошествии этих трех дней молодая всегда уезжала в дом своих родителей и гостила у них неделю или более длительный срок. Теперь этот обычай возвращения домой почти не наблюдается. Невестка через три дня, в течение которых она разговаривала только со своей названной ма-

²⁴ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 71.

²⁵ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1957.

²⁶ См. Н. А. Кисляков, Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков, КСИЭ АН СССР, вып. XXX, 1958, стр. 130—134.

²⁷ Костер во дворе около дома родителей невесты или перед юртой зажигали в прошлом полукочевые хорезмские узбеки, узбеки-карлуки и другие, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, стр. 149.

²⁸ Невестка называет свою приемную мать — *ина* (мать), приемного отца — *ата* (отец), а ее муж называет их соответственно *кайына* (теща) и *кайнага* (тесть). У северных групп хорезмских узбеков невестка называла приемную мать мурундук-ене, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; Н. П. Лобачева, а, Указ. раб. стр. 43.

²⁹ Подобный обычай был и у таджиков, см. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, стр. 112.

терью, избегая родных мужа, выходит из-за занавески. Свекровь устраивает смотрины невестки — *келин курсатар*.

Специально приглашенный на смотрины всеми уважаемый старик открывает лицо келин³⁰. Он палочкой приподнимает лицевую занавеску и приговаривает: «Много по кишлаку не бегай, плохих слов не говори». После этого вручают подарки приемным отцу и матери. В качестве угощения на смотринах подают молочную похлебку — *ак бу-ламык*. Таким образом, во время приезда молодой в дом мужа и все последующее время названные родители должны относиться к молодой женщине как к своей дочери. Этот интересный обычай бытует в основном среди полукочевого в прошлом скотоводческого населения Средней Азии. Вероятно, он, как и некоторые другие свадебные обряды и обычаи, ведет свое происхождение от эпохи разложения родового строя и утверждения патрилокального поселения молодых супругов, когда род мужа стремился принять девушку и как бы узаконить на нее свои права.

Анализ свадебной обрядности дурменов выявляет наличие у них некоторых общих черт с народами, ведшими в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни, прежде всего с казахами, а также киргизами, каракалпаками и отчасти с туркменами. К характерным особенностям можно отнести длительное сохранение родо-племенного деления и связанные с ним эндогамность племени и экзогамность рода, ряд обычаев и обрядов в устройстве свадьбы (например, обычай давать в приданое юрту). Наряду с этим, полукочевые в прошлом узбеки заимствовали много черт из свадебной обрядности окружающего их оседлого населения, в частности таджиков (например, обычай разламывания лепешки и др.).

Вместе с тем традиционная узбекская свадьба претерпела большие изменения. За годы Советской власти сложились новые обычаи и обряды, изменилось содержание старых обрядов, многие из них исчезли совсем. Изменился и свадебный обряд. Веками соблюдавшийся обычай сватовства совершается теперь формально, молодые люди предварительно сами сговариваются о свадьбе. Раньше невесту привозили в дом мужа на лошади, осуществляя по пути различные магические действия. Теперь невесту и ее приданое обычно привозят на автомашине, и многие из магических обрядов, прежде сопровождавших свадебный поезд, исчезли.

Приведенный материал показывает, что традиционная свадьба даштикипчакских узбеков сохраняет отдельные, свойственные общинно-родовым отношениям, черты: устройство основных праздников свадьбы в доме родителей невесты, пережитки таких форм брака, как левират и сорорат, обычай избегания, пережитки магических верований и др. Все эти черты, однако, утратили свой первоначальный смысл и если даже встречаются сейчас, то в измененной форме, только как традиция.

³⁰ Подобные смотрины устраивали и таджики, см. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, стр. 116, 117.